

Шалыгина Н.В.,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института этнологии и
антропологии им. Н.Н.Миклухо-
Маклая ИЭА РАН, Россия, г.
Москва*

*Shalygina NV, Candidate of
Historical Sciences, Senior
Researcher of the Institute of
Ethnology and Anthropology. NN
Miklukho-Maklay IEA RAS, Russia,
Moscow*

**ТРИ ФОРМЫ ЖЕНСКОЙ ВЛАСТИ: МАТЬ, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
THREE FORMS OF WOMEN'S POWER: MOTHER, WIFE, MISTRESS**

Аннотация: Система организации власти в традиционном обществе не исключала активную роль женщин в этом процессе и ее способности управлять. Патриархальные традиции предоставляли определенный набор властных функций женщине-матери, женщине-жене и женщине-любовнице, что так или иначе влияло и на управление обществом в целом. Устойчивость традиций, предоставляющих женщине власть, сохранялись на протяжении веков и дошли до нашего времени в своих архетипических формах.

Abstract: The system of organizing power in a traditional society did not exclude the active role of women in this process and its ability to govern. Patriarchal traditions provided a certain set of power functions to the woman mother, the woman-wife and the woman-mistress, which in one way or another influenced the management of society as a whole. The persistence of traditions that provide power to women have been preserved for centuries and have reached

our time in their archetypal forms.

Ключевые слова: гендерные роли, культ Великой богини, авторитарность, патриархальная культура, материнство, сексистские барьеры, власть, феминизм, амазонки.

Key words: gender roles, the cult of the Great Goddess, authoritarianism, patriarchal culture, motherhood, sexist barriers, power, feminism, Amazons.

В гендерных исследованиях сегодня активно разрабатываются принципы типологизации мужских и женских ролей. Первыми типологию гендерных стереотипов на материале женских историй предложили американские литературоведы, которые еще в 1950-х гг. трансформировали женские, а затем и мужские темы хрестоматийной литературы в проблему научного исследования.

Позднее возникла необходимость классифицировать ролевое поведение женщин, в зависимости от изменения их возрастных ролей, выделив в особую категорию все, что связано со статусом женщины-матери. Именно статус женщины-матери лежит в основе культа, известного всем народам мира, как культ Великой богини-матери, сформировавший особый пиетет в отношении женщин и закрепивший за ней многие властные функции. Так, женщины самых многочисленных североамериканских индейцев – гуронов и ирокезов – фактически регулировали всю хозяйственно-экономическую жизнь в ареале их обитания, применяя тактику, достойную, говоря современным языком, топ-менеджеров. Перед началом земледельческих работ гуроны и ирокезы специально выбирали наиболее уважаемую в племени женщину, которой поручали ответственный пост главного организатора и распорядителя. Причем эта женщина не всегда была женой вождя. Для того, чтобы быть избранной для такого важного дела, ей необходимо было в первую очередь обладать незаурядными личностными качествами – энергией, трудолюбием, знанием агротехнических достижений того времени. Организацию процесса сева, ухода за растениями и сбора

урожая женщина-распорядительница, к тому же, должна была проводить, учитывая «сексистские» барьеры патриархальной системы управления.

По сути, женщине приходилось одновременно решать две задачи - управление жизнью общины и сохранение гендерной субординации, принятой в традиционном обществе. Не имея права голоса на совете племени, женщина-распорядительница сначала формулировала свое требование, а затем передавала его на утверждение старейшинам через предварительно выбранного ею для этой цели оратора. Тактическая тонкость заключалась не только в том, чтобы выбрать наиболее искусного и влиятельного оратора-мужчину, но и договориться с ним. А такие полномочия уважаемая в племени женщина имела. Судя по тому, что традиция избрания женщин-распорядительниц для проведения сельскохозяйственных работ у гуронов и ирокезов являлась одной из самых устойчивых, женщине удавалось таким образом косвенно участвовать в управлении делами всего племени, что повышало ее социальный статус и обеспечивало властные позиции в обществе.

В мусульманском мире, где гендерные роли были сильно дифференцированы, женщина для реализации собственных властных функций использовала скрытые возможности ритуальных действий. Эти ритуальные действия по отношению к официальной религии, исламу, носили ярко выраженный языческий характер, но были столь искусно срежиссированы, что не вызывали возражений со стороны его апологетов. В качестве союзника женщина выбирала себе уже не человека, а древнюю «языческую» субстанцию – огонь, который в исламской традиции всегда был одним из важнейших элементов именно женской субкультуры. Этот огонь она приносила с собой к будущему очагу из священного свадебного костра, который раскладывался на перекрестке, символическом центре модели мира. Пространство вокруг огня, т.е. внутри дома, у очага, после церемонии целиком принадлежало женщине. Таким образом в повседневной

жизни она становилась полновластной владелицей огня как самой значимой позиции во внутренней, социальной инфраструктуре, вокруг которой был организован внешний (мужской) мир, и, стало быть, фактически получала возможность управлять им.

Репродуктивная составляющая власти всегда осознавалась правящей элитой любого общества. Еще в эпоху палеолита символом женской власти, по сути, призванной оправдывать и институализировать существование женщины на земле, служило изображение вульвы (памятники наскального искусства, скульптурные изображения «Венер» Брасемпуи, Ментоны, Виллендорфа, Костенок, а также изображения вульв краской в искусстве эскимосов (грот в Так-синди Бэй). Этот знак в разных культурных средах считался символом фертильности, которая символизировала потенцию, власть. Например, североамериканские индейцы хопи имели специальные элитные тайные общества, члены которых носили на груди изображения вульв из дерева и других материалов. Так обозначалась их эксклюзивная возможность контроля над доступом к природным и общественным благам, как существам, отмеченным особой креативной потенцией.

Репродуктивные функции женщины можно считать одной из самых древних стратегий управления, основанной на социобиологических детерминантах, а не на экономических или, скажем информационных. Причем, принималась во внимание не только позитивная энергия репродуктивности, но и негативная, когда отказ от деторождения также становился рычагом управления обществом. Условно говоря, антиматеринская стратегия власти основана на первозданном антагонизме мужского и женского начал и отстаивает свои собственные интересы в борьбе за право управлять. Так же, как и материнская, эта стратегия имеет давнюю историю и в архаической форме описана мифологической традицией. Как правило, антиматеринская стратегия выживания ассоциируется в мифологии с образами женщин, которые сознательно

отказываются от материнства и тем самым противопоставляют себя общепринятой модели поведения в патриархальном обществе. Цель, ради которой они это делают, дуалистична. С одной стороны, «отказница» от материнства обретает статус вечной девы, не желающей иметь ничего общего с мужчиной и тем самым соприкасающейся с чистотой и бесконфликтностью райского мира. С другой стороны, она же становится и вечной грешницей, принимающей несовершенство и противоречивость реальной жизни, где правят мужчины, и использующей слабости последних в своих интересах. И то, и другое в мифологии истолковывается как средство нейтрализации мужской авторитарности, применение которого, по нормам патриархальной культуры, должно быть наказуемо, ибо это покушение на социо-нормативные устои общества, на саму суть распределения гендерных ролей в обществе («гендерного договора»).

В эскимосской традиции, например, известна легенда о владычице морских глубин – Седне. Согласно легенде, Седна была красивой девушкой, жила в селении, в семье своего отца. Когда пришло время выдавать девушку замуж, отец стал предлагать ей различных женихов, но она отвергала всех, заняв принципиальную позицию: остаться девственницей. Разгневанный отец отвез ее на необитаемый остров и бросил умирать. Осознав, что ей грозит голодная смерть, девушка стала умолять отца сжалиться, забрать ее домой. Она цеплялась за борта каяка, на котором отец отчаливал от берега. Но неумолимый глава семьи ударами весла отсек пальцы на руках дочери, и она пошла ко дну. В дальнейшем Седна становится владычицей моря. Отрубленные части ее тела превращаются в морских животных, которыми она и повелевает. Седна благорасположена к людям и наделяет охотников добычей.¹

Хотя легенда о Седне этиологична, нельзя не заметить, что

¹ Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 482.

формирование образа Седны происходило в период, когда эскимосское общество переживало кризис – ухудшение здоровья людей, изменения в репродуктивном поведении, угроза вымирания популяции. Антиматеринская жизненная программа Седны не была одобрена патриархальной властью, что выразилось в физической смерти героини.

В мифо-ритуальном комплексе китайцев есть аналог Седны – Куань Инь. Согласно легенде, Куань Инь – покровительница торговцев шелком, бархатом и покровительница тех, кто хочет иметь потомство. Ее изображали в виде женщины с ребенком на руках. Она была дочерью правителя северного царства Чу. Девушка хотела посвятить себя религиозной жизни и не собиралась выходить замуж. Получив согласие отца и став монахиней Белой птицы, она поселилась в монастыре, где выполняла черную работу. Отец, однако, продолжал преследовать Куань Инь. Он велел отрубить дочери голову мечом. Но меч рассыпался на тысячи кусочков, не причинив вреда Куань Инь. В конце концов по приказу родителя ее задушили. Но ад превратился в рай, когда душа девушки достигла его пределов. Куань Инь чудесным образом возродилась в виде лотоса на острове Путу (Потала). Там она девять лет жила, врачуя болезни и спасая моряков, которые терпели кораблекрушения. Когда ее отец заболел, он также воспользовался лекарством, дарованным дочерью, и, празднуя свое чудесное исцеление, велел сделать ее статую в полный рост. Но скульптор ослушался приказа повелителя. Он сделал ее статую с тысячью рук и глаз, в каждой из которых было все, в чем нуждались люди. Теперь Куань Инь – божество сострадания, покровительница деторождения².

В легендах, рассказывающих историю Седны и Куань Инь, описывается именно антиматеринская стратегия выживания, которая реализуется в обретении божественной мощи через: а) увечье плоти, как аллоформы приобщения к культуре, рождения новой жизни и акта жертвоприношения –

² A Dictionary of Chinese Mythology / Ed. by E.T.C. Werner. N.Y., 1961. P. 11. 8.

отрезание плоти и дальнейшее ее преобразование в пользу мужчины); б) возможность женщины воздействовать на баланс отношений «человек-природа» через акт врачевания, создание продуктов питания, т.е. созидательную активность во благо мужчины; в) обменные операции, ремесла.

Традиционное мировоззрение и мифология стараются ввести женскую «антиматеринскую» стратегию в рамки патриархатной гендерной модели культуры³. Если женщина отказывается принести обществу, управляемому мужчинами, требуемую жертву, она может обрести социальную независимость от условий «гендерного контракта», а с нею и удовлетворить свои тайные или явные властные амбиции, только в божественной форме. Для реализации своих властных амбиций в патриархальном обществе реальная женщина должна либо обозначить себя зависимой от мужчины, но умудриться сделать по-своему, добиться для себя возможности контроля над событиями, либо умереть для этого общества и перейти в мир небожителей. Как существо, причисленное к лику небожителей, она обретала мистическую возможность влиять на жизнь общества. Это жертва, которую мифологическая традиция учит приносить патриархальному обществу и мужскому самоутверждению.

Другая ипостась отказницы от материнства – грешница – также имеет обширный мифологический дискурс, но лейтмотив его иной. Например, в китайской мифологии богиня Шанг О, озабоченная проблемой сохранения собственной красоты и молодости, крадет у своего мужа Ху Ли лекарство, дарованное ему Ши Ван Му и предназначенное для обретения бессмертия. Поступок Шанг О является нарушением всех канонов гендерной субординации в патриархальном мировоззрении. Она совершает грех, во-первых, потому, что отказывается признать приоритетные права своего мужа

³ Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления: женские символы и техники власти в русской этнической традиции // Астарта. Вып. 2. СПб., 1999. С. 104–1269.

на вечное владение благами земного мира, во-вторых, потому, что желает возвыситься над мужчиной, и тем самым лишить его права повелевать, а в-третьих, – получить возможность оставаться вечно юной и не брать на себя тяготы материнства. Выпив напиток бессмертия, Шанг О улетела на Луну и обосновалась там в прекрасном дворце. Китайцы почитают ее как богиню Луны, связывая с этим образом таинственные и трудно поддающиеся контролю женские желания⁴.

Смысловой анализ антиматеринской стратегии, как правило, сопрягает ее с революционными переменами в обществе, дезинтеграцией власти и периодами распада социальной системы (революций, бунтов). Эта установка олицетворяет собой социальную реакцию на деструктивную позицию власти. В качестве наглядного примера можно привести известный мотив «революции, пожирающей своих детей», аскезу и бесполость революционеров. Весьма показательным в этой связи, по-видимому, можно считать тот факт, что символом русской революции была избрана Дева, а символом французской революции стала дева с обнаженной, как у воинственной амазонки, грудью. В этом же ключе воспринимается и предание о «Бледной деве», которая взшла на «Аврору» и приказала стрелять осенью 1917 г.⁵ В современной действительности антиматеринская стратегия получила весомую поддержку со стороны движения чайлд-фри и сетевого сообщества под тем же названием. Теоретики наиболее решительного, радикального направления феминизма считают, что главной причиной подчиненного, зависимого от мужской власти положения женщин в обществе является их способность к деторождению. Инстинкт материнства превращает женщину в объект желания и боли, лишает агрессивности и

⁴ A Dictionary of Chinese Mythology / Ed. by E.T.C. Werner. N.Y., 1961. P. 83.

⁵ Раввинский Д.К., Синдаловский Н.А. Современные городские легенды: Петербург // Живая старина. 1995. № 1. С. 5–6.

амбиций, создает оптимальные условия для появления ощущения не только страха (страха утраты), но и самодостаточности, неспособности властвовать и управлять. Мужчины же, по мнению апологетов этого направления феминизма, образно говоря, не совсем честно используют неизбежные издержки природы в своих собственных, корыстных целях, присваивая себе ключевые позиции во властных структурах, в первую очередь – политических. Недаром европейское цивилизованное общество обратило внимание на проблему «политические права женщин» только после 1865 г., т.е. после официальной отмены рабства в Северной Америке и одновременно с появлением проблемы национальных афро-азиатских меньшинств и инвалидов.

Антиматеринская стратегия управления получила не только теоретическую платформу, но и, если можно так сказать, «руководство к действию». В западноевропейских странах и США начался быстрый численный рост категории женщин с активной жизненной позицией, ставящих перед собой цель жить «для себя», а не «для других». Позиция-сопротивление, позиция-протест, как это нередко происходит в неуправляемых социальных конфликтах, очень скоро достигла максимальной точки самовыражения в виде карьерных амбиций и принципиального отказа от деторождения.⁶

Женское начало в процессе социальной эволюции имело и еще одну форму властного управления, сопряженную с сексуальностью и предельно гибко встроенную в структуру традиционного общества. Женщина не противостоит мужскому миру, не обособляется от него, она всего лишь использует наиболее слабое звено этого мира, и в результате получает одно из принципиально значимых прав - право управлять мужским миром. Право соблазнять мужчину во всех культурах приносило женщине едва ли

⁶ Бакушинская О. Осторожно, стерва! // Комсомольская правда. 11 февраля 2000. С. 9.

не самые значимые дивиденды в области реализации ее властных комплексов. Согласно тантрийским воззрениям, женская сексуальная энергия, реализуемая в форме властных стремлений, обладала огромной силой, которая носила как созидательный, так и разрушительный характер. Одним из наиболее ярких символов созидательного использования женской сексуальной энергии служит образ дочери египетского фараона Хеопса, донесенный до нас Геродотом. Согласно записанному им преданию, Хеопс, неся непомерные затраты при постройке пирамиды, решил пополнить казну с помощью своей дочери. Он поместил девушку в притон и велел брать деньги со всех посетителей, желающих воспользоваться ее телом. Однако сама дочь фараона использовала ситуацию иначе: она приказала каждому из своих любовников принести по одному камню для постройки пирамиды. По словам жрецов, одна из трех пирамид была построена именно из этих камней.

Библейские сюжеты свидетельствуют, что платой за эротические удовольствия, доставляемые женщиной, могли быть не только материальные ценности, но и человеческие жизни. Царь Ирод, наслаждаясь восточным танцем Саломеи во время празднования своего дня рождения, был настолько покорен танцовщицей, что посулил ей полцарства или все, что она пожелает. Саломея потребовала голову Иоанна Крестителя, и получила ее.

В буддизме сила, которую заключала в себе женская сексуальность, была символически воплощена в чудодейственной раковине Каури, исполнявшей будто бы все желания. Каури входит в число 8 буддийских драгоценностей, наравне с золотым колесом, зонтом, рыбами и др., и обычно изображается в руках скульптурных изваяний буддийских божеств.

Примером воплощения в жизнь властных устремлений «сексуального символа» служит история Аспазии, уроженки Милета и подруги Перикла. Согласно Плутарху, природа наделила Аспазию обаянием, умом и красотой, которые она щедро использовала для распространения свободомыслия в

Афинах. Эта гетера добилась активного участия в политике и побудила греков пойти войной на Самос, Мегару и Пелопоннес. Она следила за всеми перипетиями военных действий, присутствуя на полях сражений. После смерти Перикла, Аспазия не оставила своей профессии гетеры и сохранила достаточное влияние, чтобы дать возможность одному из своих молодых любовников – Лизаклу занять выгодное положение в республике ⁷.

В жизни современного общества стратегия сексуального символа наиболее ярко проявляется в образе секретарши. Бизнесмен, эксплуатирующий стереотип жесткой маскулинности, делит свое время между деловыми встречами, поездками, совещаниями и т.п. Из женщин, с которыми он встречается, чаще всего рядом оказывается не жена, «а длинноногое, шуршащее шелками и пахнущее духами существо – секретарь-референт». Именно эти женщины максимально используют стратегию сексуального символа, чтобы достичь власти над мужчинами. Но власть секретаря-референта над шефом весьма эфемерна. По признанию одного из бизнесменов, с которым проводилось интервью, «такая женщина нужна на год, не больше. Дольше я их не держу. Детей мне уже хватает от предыдущих жен. С молодой год весело, а потом сильно надоедает»⁸.

Технологии формирования маскулинности как воспроизведения гендерной модели современного российского общества имеют тенденцию к выдавливанию женщин из пространства культуры, лишение ее власти. Если даже удачливая секретарь-референт и выйдет замуж за своего шефа, ей после этого все равно придется менять свою стратегию сексуального символа на супружескую, т.е. в любом случае она не получает истинной, реальной власти.

Супружеская стратегия власти реализует себя в основном через семейную и свадебную обрядность и, так же как и материнская стратегия,

⁷ Дюпюи Е. Проституция в древности. Кишинев, 1991. С. 84.13.

⁸ Юрчак А. Мужская экономика // О мужественности. М., 2002. С. 255.

использует для этого традиционные ресурсы ментальности патриархального общества. В частности, представления о том, что женщина может чувствовать себя успешной только в случае замужества, супружеская стратегия не отвергает, а, напротив, базируется на них, используя потенциал мужчины женской самореализации. Супружеская стратегия является одной из наиболее удачно вписанных в патриархальную систему общественного устройства и потому может рассматриваться как социально востребованная.

В китайской мифологии олицетворением супружеской стратегии власти была богиня Тьен-Ну. Этот образ, являясь по сути женским божеством, в философском смысле трактуется как энергия мужского верховного божества. Она обладала многими именами и могла выступать в самых различных ипостасях. Сущность ее, согласно легенде, была желтой и светящейся, что означало неисчерпаемый запас силы, предназначенной для укрепления мужского духа. А использование в качестве ездового животного тигра знаменовало собой мощь ее возможностей. Аксиологически образ Тьен-Ну читается как источник социальной креативности мужчины, залог его удачной карьеры. В индийской мифологии аналогом Тьен-Ну была Дурга – добрая женская сущность Шивы. В Ригведе известна также богиня Ида, которая ассоциировалась с одним из прародителей человечества, восьмым Ману, и озвучивала его законы.

В наши дни обыденное сознание обычно связывает супружескую стратегию с идеей стабильности властных отношений в обществе. В современной России общественное мнение чаще всего оказывается на стороне женатых мужчин-политиков. «Жены политиков – это концентрированный электорат, проявляющий к тому же весьма активные лоббистские качества. Статус «супруга» для мужчины-политика воспринимается общественным сознанием весьма позитивно: ему можно доверять, ибо он, руководимый женой, ориентирован на интегративную стратегию. При этом «серый кардинал» – жена политика, должна оставаться

в тени, сохраняя имидж матери семейства (Наина Ельцина, Нэнси Рейган). Жена, которая ведет свою игру открыто, публично «руководит» мужем, зачастую не получает положительной оценки в общественном мнении⁹.

Муж, строящий свою карьеру и полностью отдающийся работе, использует супругу как средство формирования своей успешной маскулинности. Задача супруги – создать для него «направление семья, дети, быт», т.е. обеспечить надежный житейский тыл. Но одновременно жена вытесняется из сферы его собственных интересов, из пространства его личного времени, которое полностью отдано карьере. Происходит процесс превращения семьи из базового элемента личной жизни в способ освобождения от личной жизни. При этом получается, что успешная маскулинность в своих повседневных технологиях (стратегиях) власти ограничивает права женщины, контролирует ее желания, упрощает женские образы. Аналогичным образом обстоит дело и в жизни современных американок, мечтой которых до сих пор, несмотря на растущие феминистские настроения в обществе, является удачное замужество, семья, дети, уютный дом. Однако многие из тех, кому это удавалось, очень скоро начинали чувствовать себя «вне игры». Известный теоретик феминизма Б. Фриден исследовала этот парадокс и пришла к выводу, что американки, реализовавшие мечту стать женами, неожиданно оказывались перед лицом целого ряда новых проблем. Они быстро начинали понимать, что жить для других (даже если этот другой – муж) – это совсем не то же самое, что жить для себя. Кроме того, они приходили к выводу, что по сути после удачного замужества наступает период выброшенности, отрыв от важнейших событий в жизни других людей, в том числе и своего мужа. Так рождается синдром «домашней хозяйки», остро чувствующей свою социальную изоляцию. Большинство социологов согласны, что работающая женщина всегда имеет в семье больше власти. Согласно теории выстраивания иерархии властных

⁹ Новикова Л. Жена – опора государства. // АиФ. Февраль 1998. № 7. С. 316.

отношений в семье, тот из супругов обладает большей властью, кто обладает большими экономическими возможностями. Поэтому в США количество семей, где муж работает, а жена ведет домашнее хозяйство, т.е. патриархатная форма распределения гендерных ролей, составляет всего несколько процентов.¹⁰

Как показывают статистические исследования и изучение материалов дискурса российских СМИ последних десятилетий, женщины участвуют в формировании бизнес-сферы по определенным принципам, согласно которым они должны своей деятельностью также воспроизводить динамику успешной маскулинности.¹¹

Таким образом, три формы власти женщин, по сути, всегда существовали в человеческом обществе. Гендерные роли являются неотъемлемым атрибутом и составляющей любой власти, формой ее существования, ее дискурсивным и институциональным механизмом. Генеральная (патриархальная) линия формирования женских властных сценариев разворачивалась параллельно самоутверждающейся маскулинности, «одобrivшей» в процессе социальной эволюции три основных формы женской власти: «материнскую», «супружескую» и (в определенной степени) форму «сексуального символа». Последняя стратегия, хотя и находится в конфликте с первыми двумя, поддерживает традицию мужской агрессивной сексуальности, а, значит, также является востребованной социумом. Следуя этим патриархальным по сути стратегиям власти, женщина нередко сама ставит мужчину в положение ее защитника, «спонсора», друга и помощника, что позволяет ей манипулировать им в целях удовлетворения не только своих адаптивных (выживание), но и доминантных (властных) желаний.

¹⁰ Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках. // Сб. THESIS: Женщина, мужчина, семья. 1994. №6. С. 12-13.

¹¹ Маркус И. Цифры, покрытые мраком // Феминистская теория и практика. Восток–Запад. СПб., 1996. С. 99.

Библиография.

1. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 482.
2. A Dictionary of Chinese Mythology / Ed. by E.T.C. Werner. N.Y., 1961. P. 11. 8).
3. Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления: женские символы и техники власти в русской этнической традиции // Астарта. Вып. 2. СПб., 1999. С. 104–126
4. A Dictionary of Chinese Mythology / Ed. by E.T.C. Werner. N.Y., 1961. P. 83).
5. Раввинский Д.К., Синдаловский Н.А. Современные городские легенды: Петербург // Живая старина. 1995. № 1. С. 5–6.)
6. Бакушинская О. Осторожно, стерва! // Комсомольская правда. 11 февраля 2000. С. 9.
7. Дюпюи Е. Проституция в древности. Кишинев, 1991. С. 84.
8. Юрчак А. Мужская экономика // О мужественности. М., 2002. С. 255
9. Новикова Л. Жена – опора государства. // АиФ. Февраль 1998. № 7. С. 316.
10. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках. // Сб. THESIS: Женщина, мужчина, семья. 1994. №6. С. 12-13).
11. Маркус И. Цифры, покрытые мраком // Феминистская теория и практика. Восток–Запад. СПб., 1996. С. 99.